

Виктор Калитвянский

12+



1917. НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ

Виктор Иванович Калитвянский

1917. Народ и революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63089146

SelfPub; 2020

Аннотация

Каковы причины русской катастрофы 1917 года? Кто виноват в этой катастрофе – правящие круги старой России, либералы, интеллигенция? Кто прав в историческом споре Василия Маклакова и Павла Милюкова о степени вины либерализма в русской трагедии? Какова роль народа – низовых слоев России – в русской революции? Кто победил в русской революции? Над этими вопросами размышляет автор – экономист, драматург, прозаик.

Содержание

1	4
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Калитвянский

1917. Народ и революция

1

Вот уже сто лет попыткам понять причины русской катастрофы – революции 1917 года.

Захватившие власть большевики поставили простой и ясный диагноз: *«Февральская революция смела царское самодержавие. Народные массы России, вдохновляемые партией большевиков, совершили буржуазно-демократическую революцию, чтобы покончить с империалистической войной, ликвидировать помещичье землевладение и передать землю крестьянам, установить восьмичасовой рабочий день, преодолеть голод, разруху и уничтожить национальный гнет... Однако пришедшее к власти буржуазное Временное правительство не удовлетворило народных требований... Только социалистическая революция и диктатура пролетариата могли удовлетворить чаяния народа: вырвать страну из войны, осуществить конфискацию помещичьих земель и передать их крестьянам, превратить фабрики и заводы в собственность всего народа, преодолеть хозяйственную разруху и опасность экономического краха, уничтожить нацио-*

*нальный гнет, неравноправие народов».*¹

Противники большевиков искали другие ответы.

Первыми, по-видимому, были русские религиозные мыслители, бывшие «веховцы», которые по горячим следам событий, летом 1918 года готовят сборник «Из глубины» (выйдет в свет тремя годами позже).

Вот что они писали.

«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий», – П.Б. Струве.²

«Никогда Русь не сквернилась таким количеством злодеяний, лжи, предательства, низости, бездушия, как в год революции», – А.С. Изгоев.³

«Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба», – С.Л. Франк.⁴

«Социальная революция на фоне русской действительности, несомненно, не выдержала испытания даже с точки зрения пользы. Русскому народу по существу не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий; ему

нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжестей войны», – С.А. Аскольдов.⁵

Кто виноват в случившейся катастрофе?

«Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. <...> Великое народное движение, во всяком случае, должно было произойти в результате кризиса русской жизни, усугубленного войной. Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией. И в том, что революция приняла такой вид, виновны не одни большевики, но вся интеллигенция, их подготовившая и вдохновившая», – В.Н. Муравьев.⁶

«Вместе с ядом социализма русская интеллигенция в полной мере приняла и отраву народничества. Под этой отравой я разумею свойственную народничеству веру в то, что народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы», – П.И. Новгородцев.⁷

«Как и почему случилось, что народ прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом

неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства?», – С.Л. Франк.⁸

Что же делать? Что предлагали русские философы?

«На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожжаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать обетом всякого русского человека. <...> Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и, прочно спаявшись со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный ежедневный труд», – П.Б. Струве.⁹

«Скоро русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности. Против России грабежа, насилия и разнузданности встает грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной поднимается Русь рыцарская», – В.Н. Муравьев.¹⁰

«Все мы, сыны единой России, согласно призыву старых вождей русского народа, должны стать на путь служения «великому Божьему и земскому делу». Только любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству исцелит и всех нас, и Россию от безмерно тяжких испытаний», – П.И. Новгородцев.¹¹

При всём уважении к русским религиозным философам

следует признать, что суть этого коллективного труда – всего лишь растерянный философский вопль. В этом вопле – недоумение, непонимание, ужас, проклятия собственному «народу-богоносцу», который разрушает историческое государство и самую плоть жизни; проклятия виновникам революционного хаоса – русской интеллигенции; надежда – только на господа бога и какого-то совсем другого русского человека, который одумается, прекратит насилие и разбой, проникнется новой «идеей-страстью» и встанет на путь служения «великому Божьему и земскому делу»...

Увы, вопреки надеждам авторов «Из глубины», русский народ не предстал перед миром в единстве и цельности. Наоборот, несколько лет шла ожесточенная гражданская война. Морок большевизма не рассеялся, и «Русь рыцарская» не смогла противостоять «Руси нечестивой».

Русская антибольшевистская мысль продолжала искать ответы в эмиграции. В дополнение к метафизическому анализу веховцев появились оценки причин революции, которые высказывали лидеры либеральной общественности – той самой, которая пришла к власти после падения монархии, но власть не удержала.

В 1929 году в Париже в журнале «Современные записки» начали публиковаться мемуарные статьи видного деятеля кадетской партии Василия Маклакова, которые позже, в 30-е годы, составят книгу его воспоминаний «Власть и общественность на закате старой России» (1936). Главная мысль

маклаковских мемуаров была такова: что либералы могли, но не сумели (или не захотели) договориться с действующей властью о совместной деятельности по реформированию существующего политического порядка и тем самым обрекли страну на катастрофу.

*«У либерализма не было самостоятельной силы, – писал Маклаков. – Она еще была у исторической власти, которая тогда готова была идти на уступки; при соглашении ее и либеральной общественности можно было идти путем эволюции и в союзе с исторической властью Великие реформы продолжать и закончить».*¹²

Маклаков полагал, что такое соглашение между властью и общественностью могло стать путем естественной, ненасильственной эволюции государства, но России не пришлось идти таким путем.

*«В этом вина общественности, пожалуй, больше, чем власти, – утверждал Маклаков. – Представители общественности, уверенные, что они все сами умеют, что страну они представляют, что она верит им, убежденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества <...> Они не хотели унизиться до совместной работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 году на горе себе и России».*¹³

Взгляды Маклакова подверглись критике со стороны его

бывших однопартийцев. Многолетний лидер партии конституционных демократов (кадетов) Павел Миллюков писал, что Маклаков «*всегда был в партии при особом мнении <...> и разрешал себе <...> лишь минимум партийной дисциплины. <...> Он как бы остерегался подходить ближе к ежедневной деятельности партии, держа в уме, очевидно, те мысленные оговорки, которые теперь счел возможным сделать, «не вредя партии».*¹⁴

В ответ на обвинения в том, что кадеты прибегали к тактике борьбы со властью, когда нужен был компромисс, Миллюков отвечал, что «*эта борьба должна была вестись не революционными, а парламентскими методами: в этом и заключался смысл существования партии и ее воспитательная роль по отношению к обществу, – роль, которую Маклаков признает. Формы парламентской борьбы оказались неприменимыми вследствие непримиримой тактики власти (и Маклаков признает ее таковой). Но ведь эта неприменимость форм мирной борьбы и открыла путь методам революционным. Маклаков хочет, чтобы никакой борьбы не было, а был бы компромисс. Но бессилие партии компромисса во что бы то ни стало, каковой была партия октябристов, – бессилие компромисса на самой умеренной программе, – как нельзя лучше демонстрирует невозможность той роли, которую он навязывает кадетам и которую он считает истинным выражением русского либерализма».*¹⁵

Миллюков писал, что основной вывод Маклакова – «*тот,*

что либералы – главные виновники революции, ибо они изменили тому понятию, которое Маклаков для них составил, и не выполнили своей «исторической роли». И не «либералы» вообще, а именно кадеты, узурпировавшие право говорить и действовать от имени либерализма. Они виновны, без снисхождения, – и «история будет к ним еще суровее, чем их несчастные современники». <...> Как же поступит «история» с теми, кто сделал революцию неизбежной, и с теми, кто совершил ее фактически: с реакционерами и с революционерами? По Маклакову, история найдет для них смягчающие обстоятельства, которых он не находит для к. д.».¹⁶

Не одобрял Милюков и того обстоятельства, что бывший его соратник выдвигает на роль «истинного» либерала Петра Столыпина: «Маклаков вообще выбирает Столыпина в свои герои. <...> Он очень сомневается, чтобы кадеты в роли министров спасли Россию от революции <...> Но в чем Маклаков совершенно убежден, это в том, что Столыпин наверное спас бы Россию. И он обвиняет «режим» (т. е. царя), что он не узнал в Столыпине своего спасителя».¹⁷

«Маклаков, игнорируя политическая задачи Столыпина, – продолжает Милюков, – выдвигает на первый план «либеральное» значение его реформ, как уравнивающих крестьян с другими сословиями и вводящих право частной собственности вместо патриархальной общины. Маклаков не может не знать, что «ставка на крепких» мужичков сопровождалась ограблением менее состоятельных и этим пытались

*ответсти внимание крестьянства от дворянских земель. <...> Если Маклаков думает, что «история признала правоту Столыпина перед его противниками», то он забывает, что «история» начисто смела столыпинских хуторян».*¹⁸

*«Революции нельзя было предотвратить, – заканчивает Милюков, – и с этим, в противоречии с самим собой, невольно соглашается и Маклаков, так красноречиво говорящий о «смерти» режима и об «обреченности» императора. Но взять революцию в руки, канализировать ее было, по моему мнению, возможно в течение первого времени. <...> Умеренные социалисты очень слабо и неуверенно, но все же пытались бороться с большевизмом. Социалистические министры быстро приходили к пониманию значения государственности. Но это понимание только ускоряло их дискредитацию в массах. Процесс этот еще раз доказывает, что в игре действовали такие forces majeures, справиться с которыми стало с известного момента не под силу отдельным деятелям. Как жалко среди этого вихря событий <...> выглядит попытка навязать наиболее ответственную роль наименее ответственным – и потом судить их за то, что они оказались «ниже своей исторической роли».*¹⁹

Взгляды Маклакова, как нам представляется, нашли отражение в знаменитых мемуарах члена ЦК кадетской партии Ариадны Тырковой-Уильямс «На путях свободы». Воспоминания Тырковой-Уильямс имеют как бы две пересекающиеся и растворенные одна в другой части. Первая – это

собственно воспоминания о событиях вокруг работы первого русского парламента. Здесь автор с большой художественной силой воссоздает обстановку тех лет, не скрывая симпатии к освободительному движению начала 20-го века. Вторая часть – это разнообразные отступления, в которых даются оценки политическим деятелям, тактике и стратегии кадетов. В этих оценках чувствуется их «поздний», постфактум уже характер, видна солидарность автора мемуаров с основными тезисами Маклакова.

Едва ли не самым упорным и глубоким критиком Маклакова стал один из редакторов «Современных записок» эсер Марк Вишняк. Он опровергал самый главный вывод Маклакова – о том, что «прогрессивная общественность» не сумела договориться с властью о совместном реформировании русской жизни и этим предопределила будущее трагическое развитие событий.

По мнению Вишняка, Маклакову *«открываются только два прямолинейных пути: путь эволюции, или «соглашательства» со старой властью во что бы то ни стало, и путь революции, неизбежно ведущий, хотя и с проклятиями, но все же к приятию Октября. Такое геометрически-прямолинейное построение исторически неправильно и жизненно нереально. Оно не считается с тем фактом, что и в «революционной демократии» всегда существовало – от Герцена и до Чайковского и Брежневской – течение, которое вовсе не было энтузиастом революции во что бы то ни стало. Это*

*течение предвидело революцию, считало ее неотвратимой, но признавало ее не желанным днем, а днем роковым, отчаянным средством; хотя и неизбежной, но варварской формой прогресса».*²⁰

Вишняк напоминает, что Маклаков почему-то напрочь забывает тот факт, что путем «соглашательства» с властью, во что бы то ни стало, «партии эволюции» пытались идти долго и упорно. «*Воскрешат ли из забвения «работоспособность» столыпинской III-ей Думы, чтобы получить право утверждать, что считавшая себя либеральной русская общественность может быть обвинена в чем угодно, но только не в недостатке уступчивости, а иногда и прямой угодливости перед властью? Октябристская ли Дума не старалась «не открывать дверей революции»? Она ли не «помогала власти во всех её попытках двигаться в лучшую сторону, как бы ни было это движение незначительно»? Она ли не избегала «всякого шага, который мог толкать к тупику, из которого не было другого выхода, кроме общего взрыва». И к чему привел этот путь эволюции во что бы то ни стало? К тому, что не менее III-ей Думы законопослушная и патриотическая IV-ая Дума возглавила не ею подготовленный, а ею всячески приглушавшийся «общий взрыв!».*²¹

«Если бы даже все кадеты перестали быть кадетами и стали октябристами, – подводит итог Вишняк, – взрыв не был бы предотвращен. <...> Взрыв 17-го года был, действительно, всеобщим. И в нем так или иначе приняли участие

*не только «революционная демократия» и вся без изъятия «либеральная общественность», но и сановная и придворная бюрократия, министры и архиереи, почти вся царская фамилия... Если искать причин срыва революции и неудач её первого возглавления, их надо искать не там, где их ищет В. А. Маклаков, а как раз в противоположном направлении – не в недостаточной гибкости либеральных партий перед властью, а в избыточности их оппортунизма и приспособляемости».*²²

Ирония русской исторической судьбы заключается в том, что главный сторонник компромисса с царской властью «во что бы то ни стало» лидер «октябристов» Александр Гучков к 1916 году становится сторонником насильственной смены власти. «...*Вся хозяйственная, экономическая жизнь страны катилась под гору, потому что та власть, которая должна была взять на себя организацию... <...> тыла, была и бездарна, и бессильна, – говорил Гучков на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – В этот-то момент для русского общества, по крайней мере, для многих кругов русского общества и, в частности, для меня стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости насильственного разрыва с прошлым и государственного переворота, так и в этой сфере, в сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение... <...> Вина, если говорить об исторической вине русского общества,*

*закljučается именно в том, что русское общество, в лице своих руководящих кругов, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его в свои руки, предоставив слепым стихийным силам, не движимым определенным планом, выполнить эту болезненную операцию».*²³

2

Наш великий писатель Александр Солженицын, закончив одну из частей «Красного колеса» – «Март Семнадцатого» – почувствовал *«органическую потребность: концентрированно выразить выводы из той массы горьких исторических фактов»*. В течение 1980-1983 г.г. он пишет большую статью «Размышления над Февральской революцией» и пытается понять причины революции.²⁴

С одной стороны, – полагает Солженицын, – к началу 1917 года *«российская монархия сохранялась ещё в огромной материальной силе, при неисчислимых достояниях страны. И к ведению войны<...> И – для сохранения внутреннего порядка: образ царя твёрдо стоял в понятии крестьянской России, а для подавления городских волнений не составляло труда найти войска»*.

С другой стороны, налицо была общая «моральная расшатанность власти», которая выражалась в том, что власть неспособна противостоять революционному хаосу. Эту расшатанность Солженицын объясняет *«мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране. Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились – и пронизывали, и*

подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его. Оно почти полностью владело интеллигенцией. Более редкими, но пронизывались его силовыми линиями и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство, епископат (вся Церковь в целом уже стояла бессильна против этого Поля), – и даже те, кто наиболее боролся против Поля: самые правые круги и сам трон. <...> Поле струилось сто лет – настолько сильно, что в нём померкло национальное сознание и образованный слой переставал усматривать интересы национального бытия. Национальное сознание было отброшено интеллигенцией – но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе».

У Солженицына в революции виноваты все.

Император Николай Второй: «сам более всех несчастный своею несилой, он никогда не осмеливался ни смело шагнуть, ни даже смело выразиться»; <...> Ему была вверена эта страна – наследием, традицией и Богом <...> Он предпочёл – сам устранился от бремени. Слабый царь, он предал нас. Всех нас – на всё последующее».

Монархия как институт – «как бы заснула. После Столыпина она не имела ясной активной программы действий, закинула в сомнениях. Слабость строя подходила к опасной черте».

Дворянство как класс – «столько получивший от России за столетия, <...> так же дремал, беззаботно дожидая, без

деятельного поиска, без жертвенного беспокойства, как отдать животы на благо царя и России. Правящий класс потерял чувство долга, не тяготился своими незаслуженными наследственными привилегиями, перебором прав, сохранённых при раскрепощении крестьян, своим всё ещё, и в разорении, возвышенным состоянием».

Церковь в дни величайшей национальной катастрофы «и не попыталась спасти, образумить страну. <...>Духовенство <...> утратило высшую ответственность и упустило духовное руководство народом. Масса священства затеряла духовную энергию, одряхла».

При всем том, по Солженицыну, не пропала бы страна, «сохранись крестьянство её прежним патриархальным и богобоязненным. Однако за последние десятилетия обидной послекрепостной неустроенности, экономических метаний через дебри несправедливостей – одна часть крестьянства стивалась, другая разжигалась несправедливой жаждой к доле чужого имущества <...> Это уже не была Святая Русь».

Что касается интеллигенции, образованного общества, либералов – они, по мнению Солженицына, – есть проводники того самого губительного либерально-радикального Поля, которое опутало страну. Либералам достаются самые нелестные эпитеты и характеристики. Князь Львов – размазня. Милюков – окаменелый догматик, засушенная вобла. Гучков – потерявший весь свой задор, усталый и запутляв-

ший. Керенский – арлекин, не к нашим кафтанам... Только два человека удостоились положительных характеристик в статье Солженицына – Столыпин и... Маклаков.

Итак, Солженицын полагает, что в революционной катастрофе виноваты все. Но очень интересно – какие именно обвинения он предъявляет каждому виновнику.

Император Николай виноват в том, что не сумел и не посмел защищать свою власть от взбунтовавшейся черни. При этом Солженицын ставит в пример большевиков, которых ненавидит: они не допустили падения власти в гораздо более тяжелых для них обстоятельствах 1941 года...

Дворянство виновно в том, что почивало на лаврах своих сословных преимуществ. Церковь – упустила духовное руководство народом. А крестьянство – перестало быть патриархальным и богобоязненным.

Таким образом, по мнению Солженицына, Россия избежала бы революции в том случае, если бы власть монарха была незыблема и он бы защищал эту власть во что бы то ни стало; если бы дворянство проснулось от своей спячки и снова стало лидирующим государственным сословием; и главное – чтобы крестьянство (более 80 % населения страны в начале 20 века) – под руководством церкви оставалось бы тем же патриархальным сословием, каким оно было многие сотни лет, молчаливо и терпеливо несла бы тяготы и повинности, обеспечивая самое существование государства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.